

Памятники «Битве народов» под Лейпцигом и их интерпретация в современном обществе

В последний день сражения под Лейпцигом, 19 октября 1813г., полковник Фридрих Фердинанд Карл барон фон Мюффлинг, генерал-квартирмейстер Силезской армии Блюхера, написал в своем рапорте: «4-х дневная Битва Народов под Лейпцигом решила судьбу мира»ⁱ. Днем позже он получил звание генерал-майора.

Хенрик Штеффенс, находившийся в 1813 г. под Лейпцигом в свите наследного принца Швеции, рассказывал о поле боя: «Вдали на восточном горизонте возникали колонны, в спокойной очередности двигались они родами войск друг за другом... Можно было подумать, что это кочующий народ. Так выглядели во времена переселения народов германские племена, когда они достигли немецких территорий. Это было для всех зрелище огромной впечатляющей силы. И в этот момент барон фон Мюффлинг назвал предстоящую битву великой Битвой Народов»ⁱⁱ.

Через 100 лет был открыт монумент «Битве народов». Память об этом сражении была увековечена самим его названием. Автором словосочетания «Битва народов» с наибольшей вероятностью можно назвать барона фон Мюффлинга, в последствии прусского генерала-фельдмаршала, скончавшегося 16 января 1851 г.ⁱⁱⁱ

Уже в 1814 г. Эрнст Моритц Арндт требовал возведения памятника «Битве народов» на поле боя под Лейпцигом и предвидел характер будущего монумента. «Он должен стоять так, чтобы был виден со всех сторон и со всех улиц, по которым союзные войска двигались на кровавую решающую битву»^{iv}.

Он «забыл» при этом, кроме союзных войск, упомянуть их противника — армию Наполеона, но это соответствовало духу имышлению победителей того времени.

Первыми памятниками в Лейпциге, как и на Бородинском поле, стали могилы павших, которые впоследствии были мемориализованы. К ним относится кладбище для некоторых генералов и офицеров у Готтесаккер (церковь св. Иоанна). Большинство павших были захоронены в полях и лесах вокруг Лейпцига.

Независимо от конъюнктуры исторической науки памятник «Битве народов» под Лейпцигом был всегда в центре внимания общественности, и прежде всего в центре внимания лейпцигских граждан и их гостей. Все гости Лейпцига, как правило, выражают желание подняться на памятник, высота которого составляет 91 метр, а это более 500 ступеней. Памятник «Битве народов» — один из самых больших по величине памятников Европы. При строительстве его высота была сознательно увеличена на один метр, чтобы превзойти американскую статую Свободы, которая в прошлом являлась самым высоким памятником мира.

Памятники в Германии всегда были предметом исторических исследований, особенно после политических перемен, переворотов и революций. В последние годы общественно-исторические науки усиленно занимаются проблемами научно-популярных форм интерпретации истории в обществе, которые объединены понятием «историческая культура». В популяризации памятников музеи также ищут и пробуют новые формы смысловой передачи исторических событий.

«Смысл памятников раскрывается в основном в проводимых у их подножия торжествах... и, как правило, памятники исполняют роль кулис, наполненных исторической идеей, их совмещают с патриотическими праздниками»^v. Эти слова, написанные о Германии 1871 — 1914 гг., является актуальными и сегодня. День Бородина и аналогичные мероприятия в Лейпциге являются подтверждением этого. В Лейпциге военно-исторические общества используют «круглые даты» для воспроизведения эпизодов сражения, что происходит ежегодно и на Бородинском поле.

Если говорить о лейпцигских памятниках, то речь следует вести в первую очередь о памятнике «Битве народов», как таковом, и о находящейся на расстоянии одного километра от него русской церкви святителя Алексия (Свято - Алексиевском храме — одном из двух русских православных храмов в Саксонии). Оба памятника были открыты в 1913г. История их появления и само открытие взаимосвязаны и заслуживают детального

представления.

Освящение церкви состоялось 17 октября 1913 г., накануне дня памяти святителя Алексия, который в русской православной церкви приходится на 18 октября (5 октября по юлианскому календарю). Днем позже состоялось торжественное открытие памятника «Битве народов». Непосредственно после этого высокопоставленные почетные гости приняли участие в праздничном богослужении в новой русской церкви. Среди них были последний немецкий император Вильгельм II, российский великий князь Кирилл, последний король Саксонии Фридрих Август.

В октябре 1813 г., после «Битвы народов», комендантом Лейпцига стал полковник русской армии Франц Виктор Антон Прендель, пользовавшийся всеобщим уважением и любовью не только за свою скромность, ставшую почти легендарной. Он, как и все русские в союзных армиях, был для жителей Лейпцига представителем освободителей, хотя король Саксонии в то время был на стороне Наполеона.

Через 132 года в июле 1945 г. комендантом г. Лейпцига стал опять русский, генерал-лейтенант Николай Иванович Труфанов. Ему было намного сложнее, чем легендарному Пренделю, завоевать признание лейпцигских граждан. Времена изменились, немецкие антифашисты были в 1945 г. в Лейпциге в меньшинстве, и только небольшая часть немцев видела в союзных войсках освободителей.

Уже в 1945 г. по распоряжению Н. И. Труфанова на русской церкви была установлена дополнительно третья мемориальная доска. Одна из двух уже имевшихся находится с левой стороны от главного входа с текстом на немецком языке, а другая, с правой стороны, — на русском языке. Они называют участников битвы 1813 г. Текст на третьей мемориальной доске гласит: *«Вечная память героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины»*. Имелась ввиду советская Родина. Немногие немцы знали тогда, что за Советский Союз погибло много граждан немецкой национальности, которые в качестве разведчиков, солдат и партизан воевали на стороне советского государства или за свою приверженность к стране Советов были приговорены к смертной казни немецким судом.

Это «возвращение» русских, теперь граждан СССР, к местам бывшего русско-прусского братства по оружию 1813 года состоялось 2 июня 1945 г. Этому предшествовали последние недели ужаса Второй мировой войны, в которых определенную роль играл памятник «Битве народов».

Во время военных операций весной 1945 г. памятник был использован для установки зенитной пушки против американских самолетов и был задействован в качестве наблюдательной вышки ПВО. В то время, когда американская армия стояла в нескольких километрах от Лейпцига, 200 немецких солдат, не хотевших сдаваться в плен, под командованием командира 358-го гренадерского полка полковника Ханса фон Понсета вместе с военным комендантом города с 10 апреля использовали памятник «Битве народов» в качестве крепости.

17 апреля части 2-й и 69-й пехотных дивизий 1-й американской армии под командованием генерал-майоров Робертсона и Райнхарда заняли подступы к Лейпцигу. 18 апреля Лейпциг капитулировал. Последними очагами сопротивления были памятник «Битве народов» и Новая ратуша.

Заключительный акт захвата Лейпцига американскими войсками начался в утренние часы 19 апреля у подножья памятника «Битве народов». Солдатам 273-го пехотного полка вскоре стало ясно, что памятник является «твердым орешком». Первые атаки закончились для наступавших убитыми и ранеными, а немецкие солдаты взяли в плен американцев и сопровождавших их журналистов. (В американской литературе упоминается о 30-ти иностранных журналистах.) После этого 273-й пехотный полк получил в подкрепление 271-й пехотный батальон и подготовку к штурму памятника начал обстрелом из 75-мм орудий. Удары артиллерии этим калибром привели к тому, что из камня памятника были выбиты лишь двух - трехсантиметровые осколки. Обстрел был прекращен как неудавшаяся попытка.

Американские солдаты, имевшие опыт ведения уличных боев, не знали о существовании помещений внутри памятника и обстреливали 91-метровой высоты бетонный колос гаубицами калибра 155 мм, занявшими огневые позиции на

расстоянии 10 км от него. Управление огнем осуществлялось самолетом-корректировщиком. Обстрел в незначительной степени повредили памятник и не смог сломить сопротивление оборонявшихся. Обстановка коренным образом изменилась как только снаряд попал в одно из четырех огромных окон памятника и взорвался внутри него. Следы от взрывов последующих снарядов внутри памятника можно увидеть еще сегодня.

Во второй половине дня капитан американской армии Ханс Трефуз, немецкий эмигрант, имея за собой готовые к атаке войска, вел переговоры с военным комендантом. После многочасовых переговоров и обещаний 20 апреля (в день рождения Адольфа Гитлера) около 2-х часов ночи немецкие солдаты сдались^{vi}.

Менее известна другая причина, которая привела к капитуляции — мощная акустика внутри сооружения. (Эти свойства внутренних помещений памятника несколько лет использовались во время национал-социалистических празднеств.) Разрывы снарядов и возникающее при этом эхо с трудом переносимы человеческим ухом и очень болезненны^{vii}. Насколько существенным было это обстоятельство может свидетельствовать, например, практика приведения в исполнение в древнем Китае смертных приговоров с помощью шума.

Таким образом, памятник «Битве народов» через 32 года после возведения стал не только свидетелем окончательных боев в Средней Германии, направленных на уничтожение остатков фашистских войск, но и последним опорным пунктом Лейпцига в новой войне. Построенный как культовое сооружение в память о битве 1813 года, самим своим существованием призывающий к вечному миру, монумент превратился в арену боевых действий. На этом месте, а точнее, в двух километрах от расположения памятника, 132 года назад благодаря русско-прусскому братству по оружию, была разбита армия Наполеона, который, как и Гитлер, мечтал о покорении Европы и прежде всего России.

Американские войска оставили Лейпциг в конце июня, и 2 июля в город вступила Советская Армия. Лейпциг вошел в советскую зону оккупированной Германии.

В Лейпциге после мая 1945 г. и во времена «холодной войны» существовало неоднозначное отношение к памятникам. Это касается военных памятников во всей Германии, в том числе памятника «Битве народов».

Разрушение памятников — известный пример отношения к еще живым традициям, которые вдруг стали рассматриваться в качестве угрозы «новому порядку». Так было в 1945 г. в Германии, это случилось не в первый и не в последний раз. В новых землях Федеративной Республики Германии (на территории бывшей ГДР) занимаются этим уже более 10 последних лет, исключая памятники, освященные в 1813 г. В России наблюдается подобная ситуация. В сегодняшней Москве я не нахожу многое, к чему привык.

Назначенные советской военной администрацией более или менее антифашистки настроенные немцы превзошли в своей рьяности ожидания администрации. Капитан Советской армии Квашев, из военной комендатуры Лейпцига, жаловался по этому поводу в июле 1946 г. в управление культуры города на то, что были снесены памятники, в уничтожении которых, по мнению советской администрации, не было необходимости, и дал определение разницы между «военным» и «историческим» памятником, которое стало руководством к действию на будущее^{viii}. Памятники, которые касались исторических событий до 1914 г. не попадали под директиву № 30 контролирующего совета союзников от 13 мая 1946 г. «О ликвидации немецких памятников и музеев, носящих милитаристский и национал-социалистический характер»^{ix}.

Эта директива предусматривала полное уничтожение всех памятных камней, плакатов, статуй, строительных сооружений, указателей, знаков, памятных досок, которые имели своей целью сохранение немецких военных традиций или которые несли в своем характере элементы прославляющие военные события^x. И действительно, памятник «Битве народов» служил «сохранению немецких воинских традиций», но, несмотря на это, был сохранен.

Власти Лейпцига были удивлены умеренными взглядами представителей советской комендатуры в вопросах ликвидации памятников. Но некоторые уже уничтоженные памятники были утрачены безвозвратно. «Поспешная послушность» по-человечески

является совершенно понятной, так как показавшееся оккупационным властям «ошибочное поведение» могло стать основанием для отправки в ГУЛАГ. Переименование улиц, напоминавших о Блюхере, Клаузевице и других немецких военачальниках, принимавших участие в освободительной войне, было спустя годы отменено. Чем жестче была «холодная война», тем благоприятнее были условия для проявления чувств патриотизма и защиты отечества. Это способствовало сохранению памятников 1813 г.

Когда в декабре 1945 г. несколько граждан Лейпцига потребовали использовать три австрийских памятника для получения цветного металла, поскольку «этот Орел» (имелся в виду австрийский герб), не соответствовал «духу времени»^{xi}, то децнат народного образования, наверное, не без согласования с советской комендатурой, отказал им, ответив следующее: «Вопросы касаются не австрийских памятников, а речь идет о памятниках, которые являются историческими свидетельствами борьбы против *империалистического агрессора* Наполеона, в которой принимали участие в то время представители *тогдашнего* русского народа»^{xii}.

Обратите внимание на слова «империалистический агрессор» и «тогдашний русский народ».

Но никто, пожалуй, не должен забывать о том, что немецкие фашисты за 12 лет своего пребывания у власти, уничтожили в Лейпциге по идеологическим или националистическим соображениям и такие памятники «Битве народов», как, например, памятник польскому полководцу Понятовскому, который был установлен поляками в 1834 г., или церковные колокола, которые были переплавлены в нужный для военных целей металл^{xiii}.

«Международное сообщество поклонников сноса памятников» возникло и возникает, придерживаясь позиций от крайне правых до крайне левых. Оно действительно интернационально, всемирно и не цивилизовано.

Эрнст Моритц Арндт, один из духовных отцов немецкого освободительного движения 1813 года, писал в 1814 г., предсказывая будущий вид памятника: «Если это должно стать действительностью, то он должен быть большим и великолепным, как колосс, как пирамида или как собор в Кёльне»^{xiv}. И к этому он добавил: «В Лейпциге не очень скоро будет создан памятник, так как правитель Саксонии, король Фридрих Август, битву, которая освободила Германию от рабства, считал несчастьем».

Саксонские войска, как известно, только в разгар битвы и против воли короля дезертировали и перешли на сторону союзников. Сам король был взят в так называемый почетный плен.

Арндт был прав, в Саксонии чествование «Битвы народов» долгое время, игнорировалось. Основанное в 1814 г. в Лейпциге «Общество для торжеств 19 октября» было после 1817 г. ограничено в своей активности.

В то время немецких королей и князей не привлекала идея *объединенного* немецкого государства, а преждевременное сооружение памятника могло эту идею оживить. И только после основания Немецкого Рейха, когда национальное единство было установлено «сверху», строительство памятника «Битве народов» как символа национальной интеграции получило реальную перспективу. Эта идеология была воплощена сооружением национальных памятников кайзеру Вильгельму на Куфхойзере, у Вестфальского портала, и в Кобленце, на месте слияния Мозеля и Рейна (так называемый Дойчес Экк).

В противовес этим монументам строительство памятника «Битве народов» не инициировалось и финансово не поддерживалось государством. Предполагается, что важной причиной тому было отсутствие в проекте создания памятника и его эскизах монархической идеи, льстившей господствовавшей династии Гогенцоллернов. Памятник был создан на средства немецкого народного сообщества, как основного действующего субъекта истории и как настоящего победителя в освободительных войнах.

Инициатором строительства памятника был лейпцигский архитектор Клеменс Тимэ (1861 — 1945), который представлял немецко-национальную партию в городском парламенте Лейпцига. По его инициативе 26 апреля 1894 г. был создан «Немецкий

патриотический союз по сооружению памятника "Битве народов" под Лейпцигом». Годом позже союз насчитывал 45 тыс. членов и получал поддержку певческих, стрелковых и танцевальных союзов всей страны. Союз собрал необходимую сумму финансовых средств. Из общей суммы, необходимой для строительства (6 млн. марок), 5 млн. 116 тыс. марок были добровольно пожертвованы гражданами. Из них 50 тыс. марок были собраны в Лейпциге детьми-школьниками «пфенниговым сбором».

18 октября 1898 г., в годовщину битвы, праздничной первой лопатой начались земляные работы на строительстве гигантского сооружения. 18 октября 1900 г. был заложен первый камень, а 18 октября 1913 г. памятник «Битве народов» был открыт.

Это был монумент, в котором архитектура и строительная пластика синтезировались в качественно новом виде. Он и сегодня является впечатляющим сооружением, самым высоким памятником Европы, примером достижения раннего бетонного строительства в Германии.

Арндт был бы доволен построенным колоссом площадью 5400 м² и шириной у основания 124 м. Было произведено более 1 млн. м³ земляных работ, переработано 12000 м³ трамбованного бетона, добыто и перевезено 12500 м³ гранита, которые были переработаны в 26500 блоков и затем установлены. Общий вес памятника составляет 300 тыс. тонн, или 6 млн. центнеров

xv

Памятник соответствовал требованиям Союза патриотов. Это сооружение было в первую очередь памятником в честь погибших, во-вторых — павильоном славы для немецкого народа, и, в-третьих — предостережением для будущих поколений.

Но с современной точки зрения не было продумано признание значения памятника на европейском уровне. И особенно поражает то, что в проекте памятника отсутствовало какое-либо упоминание роли других наций, принимавших участие в битве, без которых победа была бы невозможна. Это соответствовало обстановке в Германии в канун Первой мировой войны. Признание немецко-русского братства по оружию в 1813 г. не стало преобладающим в исследованиях специалистов, занимающихся проблематикой лейпцигского памятника и в сегодняшней Германии. Именно поэтому особенно важно дифференцированное, всеобъемлющее, осознанное представление об истории создания и значении памятника, которые искажены некоторыми интерпретациями. В этом вопросе была и есть потребность к активным действиям по разрешению существующих проблем.

Наряду с памятником «Битве народов» среди лейпцигских памятников, посвященных битве 1813 года, выделяется русская *церковь святителя Алексия*. Она, с одной стороны, относится к очень хорошо сохранным русским памятникам Отечественной войне 1812 года, хотя и была сооружена вне территории Российской империи. С другой стороны, как церковь русской православной общины Лейпцига, священником которой ныне является отец Алексей (очень хороший друг и партнер Немецко-русского центра в Лейпциге), она имеет особое значение. Хочу коснуться так называемых споров русских церквей за границей и замечу, что благоприятным моментом в урегулировании вопроса стала передача церкви и общины в 1945 г. под опеку Патриарха Московского и всея России.

Возведение церквей в знак благодарности и побед для России, в отличие от Германии, традиционно. По моим сведениям, эта традиция, насчитывающая столетия, возникла в период образования единого русского государства в процессе освобождения от монголо-татарского порабощения. Это олицетворяют и храмы, и памятники-монументы, сооружавшиеся с 1815 до 1912 гг., в первую очередь на Бородинском поле в память об Отечественной войне 1812 года.

В 1910 г. в Санкт - Петербурге при Николае II создается комитет для строительства церкви-памятника в Лейпциге в честь 22 тыс. русских солдат, погибших под Лейпцигом. Почетным председателем комитета был великий князь Михаил Александрович, руководство по строительству взял на себя генерал-лейтенант Е. А. Гернгросс, представителем от Лейпцига был банкир Ф. В. Довель. В качестве архитектора был приглашен Петербургский академик Владимир Покровский (1871—1931), имевший большой опыт в строительстве церквей и являвшийся архитектором Крестово-сводной церкви в Царском Селе (1910-1915 гг.).

Образцом для лейпцигской церкви послужила церковь Вознесения XVI в. в московском селе

Коломенском. Шатровое строение церкви убедительно подчеркивает ее характер как памятника. Позолоченный лукообразный купол с православным крестом завершает памятника, общая высота которого 55 м. Длина здания составляет 34,5 м и внутренняя высота церкви в высшей точке — 39,8 м.

18-метровый иконостас и все храмовые иконы исполнены в стиле московской школы иконописи XV столетия. Их автором является москвич Лука Мартинович Емельянов (1833—?). Весь иконостас и надписи примечательны тем, что являются «сердечным» подарком донских казаков. На одной из икон изображен Смоленский образ Божией Матери «Одигитрии». Именно такая икона была на Бородинском поле во время молебна перед битвой, в котором принимал участие Кутузов, чей портрет висит в капелле склепа лейпцигского храма.

В церкви также находятся два знамени казацких войск с изображением св. Георгия и архангела Михаила. Одна икона Св. Георгия, подарок оренбургских казаков, находится в средней части резного триптиха. Слева и справа от портала из песчаника, с парадной стороны, находятся две мемориальных доски на немецком и русском языках, напоминающие об участниках «Битвы народов» и погибших. В верхнем храме церкви на восьми бронзовых досках перечислены названия русских полков, принимавших участие в «Битве народов».

Зимняя церковь в нижней части храма освящена в честь великомученика и целителя Св. Пантелеймона.

Нижний этаж обрамляется сводчатой галереей с 20-ю памятными каменными досками погибшим и пропавшим без вести русским солдатам. Под алтарем находится часовня со склепом, в котором в шести нишах стоят в верхнем ряду саркофаги с останками поручика Юргенева из Таврического гренадерского полка, генерал-лейтенанта Ивана Георгиевича Шевича и генерал-майора князя Николая Кудашева. Средний саркофаг в нижнем ряду имеет надпись «Останки неизвестного русского солдата», ниши слева и справа от него пусты.

Восемь колоколов колокольни, которые расположены и функционируют по подобию русского колокольного звона, были отлиты в Ярославле из трофейного металла.

Первым памятником «Битве народов» в окрестностях Лейпцига был памятник князю Карлу Филиппу Шварценбергу, главнокомандующему союзными армиями во время «Битвы народов», который умер 15 октября 1820 г. во время посещения Лейпцига. Памятник в форме саркофага был установлен его семьей к 25-й годовщине битвы на собственные средства.

Первым *официальным* памятником «Битве народов» стал в 1845 г. так называемый ядровый памятник. Он получил свое название от одного деревянного забора с 20-ю столбиками, на каждом из которых помещалось ядро с названием населенного пункта, в котором проходили боевые действия. Так как на этом памятнике очень быстро появились повреждения, в 1863 г., к 50-летию празднования битвы, был воздвигнут новый памятник, существующий до сегодняшнего дня.

К важнейшим памятникам «Битве народов» в районе Лейпцига относятся «Камни Апеля». В 1861—1864 гг. на собственные средства Теодора Апеля были установлены 44 памятных камня. Ими были полностью обозначены поля сражения.

В 1863 г. в Лейпциге, в издательстве Альберта Хофманна, был издан «Путеводитель по полям Лейпцигского сражения в 1813 г. и их памятным камням».

Автор путеводителя, Теодор Апель, писал: «Вспомним с честью и благодарностью храбрых борцов, пожертвовавших свою жизнь нашему отечеству и покинем места лейпцигских битв с желанием, чтобы наши внуки тоже любили посещать эти памятные места на знаменитых полях Лейпцига, узнавали бы правду о войне и боях, об ужасном несчастье, которое было совершено силами, данными людям богом»^{xvi}.

По желанию Апеля, памятные камни должны были являться последними свидетельствами войны. Но, как известно, это желание не сбылось.

30 сентября 1913 г. за несколько недель до 100-летнего юбилея сражения под Лейпцигом и предстоящего открытия памятника «Битве народов» и русской церкви газета «Последние лейпцигские новости» опубликовала статью, в которой сказано: «В виду сильной нехватки почетных памятных знаков на полях сражений под Лейпцигом, которые бы отражали славную и

важную роль австрийских войск в боевом успехе союзных армий, управление военного Ордена Марии - Терезии получило задание, на каждом участке, взятом австрийскими войсками установить мраморный обелиск четырехметровой высоты с орлом отлитым из пушечного металла и с надписью, называющей армию и ее командующего, чтобы эти места были сохранены в памяти, если они были местами боевых успехов или значительных потерь»^{xvii}.

Официальное открытие пяти памятников в Лейпциге состоялось 2 декабря 1913 г. в день празднования 65-летия правления императора Франца Иосифа I, так как к 100-летию юбилею «Битвы Народов» работы по созданию памятников не были еще закончены.

Все австрийские памятники абсолютно одинаковы по своей форме и напоминают надписями на памятных табличках (как и на русской церкви) о всех погибших здесь австрийцах.

Интересно также, что инициатива создания этих памятников исходила не от австрийской стороны, а от немецкого пастора Ханса Кригера из Эшефельда. Начало их создания положили его ходатайства перед австрийским кайзером. Он обратил внимание на то, что кроме пруссаков и русских большая доля успеха в победе принадлежит Австрии и что в числе погибших было очень много австрийцев.

После последнего просительного письма Х. Кригера Франц Иосиф I приказал своему офицерскому инженерному корпусу в течение 48 часов сделать эскиз памятника. В конце 1913 г. Орденом Марии - Терезии был послан в Лейпциг фельдмаршал Эдлер фон Кайлер вместе с архитектором. Городом были предоставлены места, и через четверть года были открыты пять австрийских памятников.

Установленные в памятных местах двуглавые австрийские орлы неразрывно связаны с ландшафтом города. Весной 1940г. они пережили «проверку на возможность использования их металла для военных целей», но не были переплавлены, хотя им уже в 1936г. была дана оценка «как импозантного, но бросового товара»^{xviii}.

Пределы статьи не позволяют представить все памятники «Битве народов», поэтому только называем наиболее важные из них:

*Русско-Прусский памятник — открыт 16 октября 1988 г., за год до распада ГДР.

*Памятник французам и австрийцам в Либервольквитце.

*Памятник-холм монархов, где во время битвы был передовой командный пункт Александра I, Фридриха Вильгельма III и Франца I.

*Памятный камень, так называемый Кёрнерштайн, посвященный Теодору Кернеру, знаменитому поэту и певцу времен освободительных войн, который был солдатом добровольческого корпуса Лютцова.

*Памятник Карлу Фридриху Фрикиусу, старшему судебному советнику в Кенигсберге и командиру батальона «Кенигсберг» в третьем Восточно-прусском полку ополчения.

*Памятник взорванному мосту через мельничный ручей на реке Эльстер, по которому отступали наполеоновские войска из Лейпцига.

*Камень Наполеона на месте размещения его штаба 18 октября 1813 г.

*Памятник павшим в Линдентале.

*Памятник в Вахау, бывшем имении Вахау.

*Так называемый Торхауз в Дёлице — дом, находящийся при входе в имение Торхауз в Марклееберге.

*Татарский ров в Бойхе — массовое захоронение русских солдат.

*Позитивная оценка национальной истории XIX в. в ГДР демонстрировала положительное отношение к идее единства нации. Несмотря на то что эта идея в конце 60-х годов официально не поддерживалась, но окончательно не отвергалась.

Закончим наши размышления мыслью Карла Маркса. Многие помнят этого знаменитого немецкого философа, писавшего в «18-м брюмера Луи Бонапарта» в 1852 г.: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к

себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»^{xix}.

Стоит задуматься над этими словами как в связи с историей памятников, так и в связи с их современным восприятием и интерпретацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁱ *Ладендорф О.* Исторический словарь. Страсбург; Берлин, 1906. Статья «Битва народов». С. 328.
- ⁱⁱ Немецкая строительная газета. 1913. № 97/85. С. 769.
- ⁱⁱⁱ *Брокхаус.* Энциклопедический словарь. Берлин; Вена, 1898. Т. 12. С. 45.
- ^{iv} Там же. С. 774.
- ^v *Хартвиг В.* Буржуазия, государственная символика и государственное сознание 1871-1914 гг. // История и общество. 1990. № 16. С. 270.
- ^{vi} *Толанд Дж.* Финал. Мюнхен; Цюрих, 1968. С. 378.
- ^{vii} Документальный фильм «Поле сражения перед городскими воротами — Памятник битве народов» (автор Х. Кёлер, по заказу Средне - германского телевидения, ретрансляция 23 августа 1994 г.).
- ^{viii} *Доссманн А.* Забыть, изжить, вспомнить, придумать // От культа кулисе: Памятник битвы народов как предмет исторической культуры. Лейпциг, 1995. С. 138.
- ^{ix} Городской архив Лейпцига. STVuR. № 8576. Л. 29.
- ^x Директива № 30 от 13 марта 1946 г. // Ведомственный бюллетень Контрольного совета в Германии. 1946. 31 мая. № 7. С. 46.
- ^{xi} Городской архив Лейпцига. STVuR. № 8576. Л. 158, 158у, 159.
- ^{xii} Там же. Л. 174.
- ^{xiii} *Вейнкауф Б.* Лейпцигские памятники. Лейпциг, 1980. С. 22.
- ^{xiv} Там же. С. 27.
- ^{xv} *Феллманн В.* Атлас Лейпцига. Берлин; Лейпциг, 1981. С. 137.
- ^{xvi} Австрийские памятники воспоминания // Последние Лейпцигские новости. 1913. 30 сент.
- ^{xvii} Там же.
- ^{xviii} Населенный пункт Клейнчохер и парк Лейпцигских рабочих // Лейпцигский наблюдатель. 1936/37. С. 292.
- ^{xix} *Маркс К.* 18 брюмера Луиса Бонапарта. Берлин, 1988. С. 19.